

«НА ЗЕМЛЕ ОТЕЧЕСКОЙ СТОЮ...»

К 60-летию Ф. Г. Сухова

Его стихи о мире природы узорны, как затейливые кружева, много в них сказочно, как справедливо заметил известный советский критик Ал. Михайлов, даже причудливого, чародейного. Всеми своими корнями поэзия Федора Сухова связана с исконно народными представлениями и воззрениями, с теми преданиями, в которых природа одушевлена и сосуществует с человеком на равных правах.

Сухов, как личность и как художник, не мыслит себя вне заповеданного царства природы, вне ее жизни и ее судьбы. Более того, он ищет пути полного духовного сращения с ней, стараясь говорить как бы от ее имени, вникая в ее ритмы, смена, перемены, «чтоб песню лебединую сложить, ромашковое выговорить слово».

Боготворя и даже возводя в своеобразный культ природу, он, таким образом, выступает не только преданным ее поклонником, но и ярким защитником, а значит, защитником всего, что живет и произрастает, что по самому своему естеству, по самой сути вечно творит добро и мир. И в этом просматривается та сверхзадача поэта, которая неизменно возбуждает и вдохновляет его, определяет его гражданский пафос.

В автобиографии Федор Сухов отметил: «В сущности все, что мной написано, это из Красного Оселка, с его полей и лугов, с его лесных опушек». Это на первый взгляд может показаться нарочитым. Ведь, действительно, не ограничивается же его творческий кругозор окрестностями приволжского села Красный Оселок, где он родился и где впервые был заморожен магией поэзии, случайно познакомившись с книгой стихов Сергея Есенина, но совсем не случайно целиком заучив ее наизусть. Нет, конечно, не только Красный Оселок стал для Сухова всем светом в окошке.

Всенародная тревога обожгла его сердце в молодые годы, и с оружием в руках он встал в ряды защитников Родины, командовал взводом противотанковой обороны, заслужил боевые награды. В годы войны он вступил в партию, тогда же были опубликованы и его первые стихи во фронтовой газете «Красная Армия». После победы Сухов снова приехал в свое село, на совесть трудился в колхозе, а потом — учеба в Литературном институте, переезд в Сталинград, работа там в областной газете. Двадцать лет он прожил вдали от родного гнезда и, уже став известным, всесоюзно признанным поэтом, вернулся в нижегородские пределы, вновь поселился в Красном Оселке. Однако не живет там постоянно, время от времени совершая творческие поездки по весям и городам России.

Так что же, слукавил поэт, сказав, что все его творчество связано с Красным Оселком? Нет, не слукавил, если принять во внимание его приверженность истокам и всю генеральную линию его поэтических откровений и пристрастий. Малая Родина для Федора Сухова — во все не в стороне от большой, потому что все сдвиги и сотрясения времени сейсмографически отзываются в ней. И поэт свободно переходит от конкретности к всеобщности.

Федор Сухов — один из оригинальных современных

поэтов, которые отличаются хорошим знанием отечественной и зарубежной литературы, обладают высокой художественной культурой. Мне приходилось слышать, с какой проникновенностью и выразительностью читал Сухов стихи Адама Мицкевича по-польски. Досконально он знает поэзию не только общеизвестных мастеров, но и таких интересных, к сожалению, мало кому знакомых литераторов, как, например, Михаил Тимонин. Однако более всего его привлекает народное творчество. Кто-то может утверждать, что в его стихах чувствуется влияние Николая Клюева. Что ж, может быть, это не лишено оснований. И все же главное, что влияет на него, — это народное творчество, сочетающееся с живым дыханием современности.

Федор Сухов создал немало значительных книг. Широко известны его поэтические сборники «Половодье», «Дождь сквозь солнце», «Красный Оселок», «Светло красуйтесь», «В гостях у незабудок», «Ясень» и др. Его поэма «Былина о неизвестном солдате» отмечена первой премией всесоюзного литературного конкурса имени А. Фадеева.

О чем бы ни писал поэт, природа у него никогда не становится только фоном, она — действующее лицо. Правда, всегда в присутствии человека, неразрывно с ним.

Вот характерное стихотворение «Бабушкин серп». Начинается оно эпически, как может начинаться рассказ о жизни простого, но в чем-то очень значительного человека:

Жила на свете
Бабушка Анисья,
Она моею бабушкой была.
Дубовые в капусту клала
листья,
Вприкуску чай
из блюдечка пила.
Была она великой
мастерицей,
Слагала песни бабушка
моя...

И вот ее не стало. И вместе с ней ушло что-то такое, что ее потерю ощутила и сама природа. Остался от бабушки только серп, которым она жала рожь. И этот серп стал неприкаянным месяцем на вечернем небе.

...Я вижу, как по небу
Гуляет он в вечерние
часы.

Ольховые оглядывает
чащи,

К угрюмым припадает
облакам,

Грустит по бабушкиным,
работающим,

Тоскует по заботливым
рукам.

Умение соединить, казалось бы, несоединимое, одушевить такую связь, вызвать сочувствие к вроде бы мало значащим явлениям и предметам, очеловечить природу — это присуще таланту Сухова, в этом проявляется необыкновенная, не побоюсь этого слова, волховская стихия его поэзии.

Доброе, самоцветное слово дано природой и народом поэту. Слово, что согревает и заставляет верить в чудесное, что дышит, живет надеждой и любовью, что противостоит казенщине и бездушью, лжи и злу. Федор Сухов — поэт благотворящий. И двери его дома в Красном Оселке всегда открыты для каждого чуткого и отзывчивого сердца. Всегда открыты, как и страницы его книг.

В. ШАМШУРИН.

Федор СУХОВ

Небо голубое-голубое,
Руки протяну и — полечу.
Стало так, что кажется:

любое,
Нам любое дело по плечу.
Только никуда не полечу я.

Знаю,
не рассказывайте мне,
Как земля встревожится,

почуя,
Что меня не стало на земле.
Выплачет от моря и до моря

Не в хлеба — в осот
и лебеду

Солью пересыпанное горе,
Горем напоенную беду.
И ничто на ней бы

не созрело,
Сколько ни проси
и ни моли.

Ведь ее не солнце обогрело —
Руки беспокойные мои.

* * *

Мартовской отведала

водицы
По двору гуляющая курица.
Верую — воспрянет,

возродится
Ясень мой, он зелено
распустится.

И береза зелено-зелено
На горе высокой

раскудрявится,
Не с того ль горластая
ворона

Весь-то день истошным
криком давится.

Греется на солнышке сорока,
Голубеющую видит

провесень,
И синица где-то одинокое
Свой певучий открывает

промысел.
Как каплюжина, звенит
синица,

К старой-старой припадает
яблоне,

Ручеек успел расшевелиться,
К недалекой поспешает

ямине.
А когда завечереют рощи,
Месяц явственнее

обозначится,
Невеликий прохрустит
морозец,

Хрупкими сосульками
расплачется.

* * *

Я полон солнцем и весной,
И той неброской, неспесивой,
Неубывающей, земной,
Певучей, благодатной силой.

Мне хочется, чтоб все цвело,
Прозрачным соком
наливалось,

Чтоб город мой, мое село
Единую познали радость.
Я пристально смотрю туда,
В степные яровые дали,

Где праздник мирного труда
Еще как будто бы в начале.
Еще не пышны зелены,
Что залили былую непашь,

Зато, ликуя и звеня,
Взметнулся жаворонок в небо.
Звени, пернатый бубенец,
Сыпь, сыпь серебряный

горошек!
Сегодня весело и мне
От добрых чувств,

от дум хороших.
Я словно заново рожден,
Освобожден от тяжких

пыток,
Живым, целительным
дождем

Душа прозревшая умыта.
И мне бы только жить
да жить —

Не лицемерно, не фальшиво,
И той весной дорожить,
Что наши души освежила.